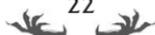

СПЕЦ ПО ЧАЮ

- Здравствуйте, «Хтонь в пальто» слушает.
- Здравствуйте, мне бы хтонь не помешала.
- А вам зачем? Напугать кого-нибудь, друзей удивить?
- Нет-нет, мне бы посидеть, чаю выпить. Никого из знакомых в городе нет, компании хочется, и вдруг мне вылезает ваша реклама... В общем, вот.
- Поняли, все сделаем в лучшем виде! Можно ваш адрес, пожалуйста?

Когда Лютый устраивался хтонью в пальто, он слабо представлял, чего люди хотят от хтони. Казалось: непременно ужасов. Показать острые зубы давнему должнику, чтобы он отдал деньги или, на худой конец, умер от сердечного приступа. Или постучать в окно другу заказчика — обязательно ночью, чтобы он, живущий на девятом этаже, свалился с кровати;

а заказчик наутро слушал эту историю и еле сдерживал смех.

Кто бы мог подумать, что люди не меньше хотят выпить с хтонью чаю и поговорить по душам!

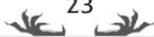
Думал, на такие заказы ни за что не пойдет: он ужас и кошмар, а не светская дама! Но как-то раз пришлось: некому было ехать, — и неожиданно втянулся. Неожиданно ли? Хорошим слушателем был всегда, любил чужие истории; да и Вик говорил, как приятно пить чай, когда именно Лютый отвечает за атмосферу: язык сразу развязывается, и внутренние узлы распускаются.

Первое чаепитие, кстати, Лютый с ним и устроил: притащил в офис заварочный чайник и любимую травяную смесь, наполнил кружки и для пушего эффекта окутал теплом и чувством безопасности. Тут-то Вик, прежде отстраненный и даже слегка высокомерный, расслабился и рассказал про метания между человеком и хтонью, про депрессию и желание шагнуть в окно и про то, как наткнулся на вакансию агентства и побежал устраиваться.

Странно, что не выложил сразу историю про отрезанную руку. Или такое — только для близких знакомых? А они на тот момент едва ли считались близкими: общались не больше пары месяцев.

Но главное — Вику понравилось расслабляться за кружкой чая.

И людям нравилось тоже: однажды попросили именно его прийти на чаепитие — знакомые

порекомендовали. Тогда приятно горели щеки, а Вик смеялся: «Смотрю, ты нашел себя!» — ни капли, впрочем, не обидно. Тем более что, может, он и правда нашел. Может, его предназначение — пить чай так, чтобы у людей оставались исключительно теплые воспоминания.

Поэтому сегодня, услышав про чаепитие, Лютый тут же закрыл книгу и пошел за пальто. Ему, в конце концов, несложно, а человеку будет приятно. И чужая история добавится в копилочку: не просто же так человек приглашает на чай именно хтонь?

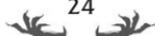

— Вы, наверное, думаете, почему я никого из друзей не позвал?

— Думаю, — кивает Лютый, оглядываясь на пороге у заказчика. — Обычно люди зовут людей; да и хтонь денег стоит.

Квартира самая обычная, много таких видел, и если поначалу изучал каждую деталь, то теперь... Нет, взгляд все равно цепляется — за фотографию на тумбочке. Не у каждого в прихожей фотография стоит; интересно, почему именно здесь?

Заказчик — крепкий мужчина лет пятидесяти — запирает дверь, кивком указывает на вешалку и улыбается:

— Деньги для меня не проблема. А с людьми глупо вышло: сорвали из отпуска, завтра в срочную экспедицию. Брат с сестрой не могут, знакомых нет: кто не вернулся еще, кто снова уехал, у кого тоже командировка, — а я привык чаепитничать с кем-нибудь перед отъездом. И вдруг ваша реклама попалась. Ну и решил: с хтонью чай никогда не пил, почему не попробовать?

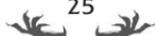
Вот это смелость! Некоторые несколько месяцев не решаются позвонить, а здесь — так сразу.

Лютый надевает предложенные тапки и обещает:

— Я спец по чаепитиям, посидим что надо. Скажите, а рассыпной чай у вас есть?

За пятнадцать минут, пока греется вода и заваривается малиново-мятный чай, они успевают познакомиться и перейти на «ты». Заказчика зовут Владимиром, и реклама агентства попалась ему в одной из соцсетей — надо же, а когда в очередной раз запускали, уже не надеялись, что сработает. Сарафанное радио и разбросанные по городу визитки всегда приносили больше клиентов, чем какая бы то ни было реклама. Что ж, из каждого правила бывают исключения.

Когда Лютый разливает по кружкам чай, на какое-то время повисает молчание. С одной стороны, оба жуют печенье — не говорить же с набитым ртом? С другой — что за напряженная атмосфера, где дружеские разговоры, ради которых и пригласили? Поэтому Лютый, мысленно раскинув на кухне

шатер спокойствия и тепла, как бы невзначай на-
поминает:

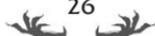
— Ты говорил, что уезжаешь завтра. Что за экс-
педиция?

У Владимира загораются глаза, и Лютый улыба-
ется: наконец-то. Людям нравится говорить о себе —
а ему нравится слушать.

Следующий час пролетает так же стремительно, как
тратятся деньги в день зарплаты. Владимир расска-
зывает о суровых лесных комарах, готовых сожрать
до костей, об однажды заглянувшем в лагерь медве-
де, которого пришлось отпугивать грохотом ка-
стрюль, о самой настоящей магии: в походе можно
десять раз ноги промочить — и хоть бы хны, а в го-
роде разок застудишь уши — и сразу шмыгаешь
носом; и о прочих деталях геологических экспеди-
ций. Лютый кончиком носа чувствует жар увлечен-
ности и невольно отодвигается, чтобы не обжечься.
Не каждому везет найти в жизни место, на котором
будет настолько комфортно, а тут, глядите-ка, че-
ловеку улыбнулась удача. Впрочем, быть может, он
с детства хорошо себя знал и никогда в решениях
не сомневался; не то что некоторые...

На холодильнике висят фотографии: компания
мужчин, одетых по-походному, сидит у палатки

в лесу; они же, но у реки, чему-то смеются; Владимир в официальном костюме держит грамоту и медаль... И вдруг — женщина в обнимку с девочкой лет десяти на фоне моря. Кажется, те же, что и на фото в прихожей.

Жена и дочка? Ну а кто еще?

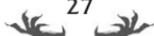
— Но вот какая ерунда, — плотнув остывшего чаю, вздыхает Владимир. — Я бесконечно люблю работу, а возраст все-таки берет свое: тяжело по экспедициям таскаться. Да и с семьей хочется быть, не срывать-ся то и дело в срочные поездки. Вот сейчас, например, договорились вместе на море полететь, а мне через три дня пришлось вернуться. Соня... жена, в смысле, молчит, но по глазам вижу, как она недовольна.

— И что думаешь? — любопытствует Лютый. Предлагает тут же: — Еще чаю? — и, получив кивок, щелкает кнопкой чайника.

Отвечать Владимир не спешит, берет печенье, и Лютый всей хтонической стороной чувствует его колебания. Подталкивает не прикосновением — ощущением прикосновения: давай, расскажи, меня стесняться не надо.

— Хочу в офис попроситься: там тоже работы достаточно, да и предлагали однажды. Но не задохнусь ли в горе бумажек? Не сойду ли с ума в четырех стенах? Все-таки в лесу зелень, свежесть, я привык... И разрешат ли в поле вернуться, если пойму, что офис — не мое?

Помолчав, Владимир прибавляет шепотом:

— А еще... редко кто находит работу настолько по душе. Родители радовались, как у меня все удачно сложилось, я сам радовался. А теперь отказаться собираюсь. То есть не прям отказаться, но... Не будет ли это, ну, почти предательством? Не предам ли я того радостного себя?

Вот оно что.

Заварив по новой порции чая, Лютый заглядывает Владимиру в глаза:

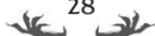
— А не предашь ли ты нынешнего себя, если продолжишь в экспедиции мотаться? Сам говоришь, что тяжело и устал.

Качаются весы мучительного выбора: то манят густые леса и коварные комары, то просыпается боль в пояснице, а жена и дочка скучают на море. Вторая чаша вот-вот перевесит, всего пары камешков-аргументов не хватает.

— У всякого увлечения есть срок, — продолжает Лютый, — и, когда он истекает, глупо хлестать себя кнутом: «А ну получай такое же удовольствие, как раньше!» Признать, что нужно что-то другое, — это не предательство.

Владимир морщится, будто в чае попалась совершенно неспелая малина, хуже красной смородины. Но, помявшись, бормочет:

— Мне ведь и офисная работа нравится: бумажек много, но и своих исследований достаточно. А захочется лесной романтики, так возьму жену и дочку, съездим на природу...

— Вот именно! — с нажимом кивает Лютый. И вторая чаша весов уверенно опускается.

Владимир, поведя плечами, сбрасывает каменную тревогу — легко, точно шелковый платок.

— Вернусь из экспедиции — и пойду говорить с начальством. Выбью себе испытательный срок и буду смотреть на практике, что да как.

А на место тревоги уже пробирается осторожное любопытство, и Лютый улыбается уголком губ, зная, что сейчас будет.

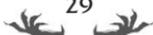
— Слушай, а ты всегда выглядишь человеком или?..

— Хочешь на хтонический облик посмотреть?

Владимир кивает: еще бы, не каждый день встречаешь хтонь, как такую возможность упустить? Лютый с удовольствием человека, засидевшегося в одной позе, выпускает хтоническую сторону. Не превращается, как киношный оборотень, — скорее переворачивает игральную карту. Для наблюдателя, правда, это всё равно похоже на превращение: сквозь расплывающийся образ парня проступает чудовище — покрытое серебристо-синей шерстью, ростом чуть ниже потолка, когтистые руки спускаются до колен, вместо лица — нечто среднее между волчьей и крокодильей мордой. Сам бы не придумал облика удачнее — хорошо, что таким родился.

Лютый оскаливается:

— Ну как?

— Н-неплохо, — Владимир, сглотнув, показывает большой палец. — Понятно, каких чудовищ мы должны встречать в глубинах тайги.

И они оба смеются.

С длинной мордой чая не попьешь, поэтому Лютый возвращает человеческий облик. Настает его очередь рассказать о себе — по просьбе Владимира, конечно; и он делится, как рос в кругу хтоней-детей, как играл с ними в хтонические игры: то чувства угадывал, то порезы на скорость заживлял, то ползал по деревьям, цепляясь когтистыми лапами. И как знал, что будущую жизнь непременно свяжет с чем-нибудь подходящим хтони. Родители, правда, ждали чего-то серьезного, но приняли желание работать хтонью в пальто: «Главное — чтобы тебе нравилось».

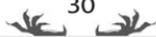
— А людей вы едите? Мало ли, вдруг звонят и просят кого-нибудь съесть...

Лютый улыбается как можно обаятельнее:

— Ничего сказать не могу: секрет фирмы. Но сам предпочитаю никого не трогать: я мирная хтонь, почти домашняя.

— С таким-то ростом и такими зубами?

— Не суди книгу по обложке! Зря я, что ли, спец по чаепитиям, а не по отрыванию головы?

На прощание Владимир, спросив разрешения, обнимает.

— Ты правда спец: очень мне помог. Спасибо, что пришел.

— Как я мог не прийти на заказ? — удивляется Лютый.

А Владимир качает головой:

— Нет, спасибо, что пришел именно ты.

Лютый только пожимает плечами: что тут скажешь, так сложились звезды — и, попрощавшись, выходит из квартиры. Интересно, если ему надоест быть хтонью в пальто, хватит ли смелости уйти на другую работу — или понадобится тоже с кем-нибудь выпить чаю?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

